

Нина Горланова

Папа и старый князь Болконский

С тех пор, как я себя помню, основное мы знали: папа из детского дома. Его мама умерла, когда ему исполнилось два или чуть более. И отец отвел его к крестному, а тот сдал в детдом. Почему родного сына к крестному, почему тот предательски так поступил? Нам подробностей не рассказывали. Отводили глаза и отмалчивались.

Можно было то шероховатое время «за хвост ловить», как писал Мандельштам, — соотнести год рождения папы и годы коллективизации... но не соотносили. Ведь в школе нас зомбировали: коллективизация — это прогресс, а кулаки ужасны... а не могли же мои бабушка и дедушка быть ужасны? Нет, не могли! Нам это не нужно...

Когда папе исполнилось четыре, его усыновили другие люди, он звал их «мама»-«папа», но продолжал тосковать по родным, особенно — по старшей сестре Рае. Всю жизнь — до восьмидесяти лет — он искал ее, ездил и писал, даже послал запрос в телепрограмму «Жди меня»...

Стресс от детдома оказался так велик, что папа всю жизнь страдал сильнейшим псоризом — все время был в раздражении, смотрел на нас — детей — с брезгливостью. И был суров, так суров! Никогда не улыбался. Я боялась его смертельно!

Даже нам до школы не говорили, что можно верить в Деда Мороза, который иногда приносит подарки! А в школе уже верить было тоже нельзя — засмеют...

Однажды раньше придя с работы, он застал с сигаретами компанию подруг и выпорол меня так, что я неделю не могла сесть за парту! (Но курить я бросила только в 2007 году — после инсульта. Без курения я бы не прожила свою тяжелую жизнь в коммуналке с остолбенительным соседом-алкоголиком — я повесилась бы.)

Когда я училась в девятом, папа сжег мой дневник, прочтя там такую фразу: «В кино не пошли — нет долларов». Он думал, что нас арестуют и посадят в лагерь за эти «доллары». А мы никогда в жизни их не видели — это был такой глуповатый юмор того времени.

Я порой бессонными ночами мечтала об инопланетянах, которые бы могли прилететь и взять папу для исследований на свою родину...

Я писала в новом дневнике, который хранила у подруг:

«Старый князь Болконский мучил свою дочь — княжну Марью, да, но в конце сказал: — Душенька! Все мысли о тебе!

Может, и папа в конце концов скажет что-то ласковое?!»

Я училась на отлично, учительница в первом классе звала меня только «Ленин». С восьми лет я косила, с двенадцати доила корову. Воду нужно было принести на коромысле, дрова распилить и нарубить, картошку посадить и окучить... Но меня никогда ни за что ни разу не похвалили.

Всю жажду любви, по которой дико тосковалось, передать тогда я не умела, конечно. Но в том же дневнике, который сохранился, была анкета — одна из модных тогда анкет (любимый цвет, любимый герой и тп). Так вот там любимого героя — нет. Так и написано: нет. А героини любимые — даже две: Татьяна Ларина и Наташа Ростова... И не могло быть любимого героя. Боялась я всех мужчин на свете!

Однажды я услышала, как соседка моих лет крикнула отцу в раскрытое окно:

— Я купальник забыла! Кинь мне!

В каких рыданиях я забилась! В каких судорогах! Убежала за сарай и лила слезы, чтоб никто не видел. Чтоб отец мог мне найти и кинуть в окно купальник! Боже мой, какой купальник! Я бы тут услышала такое!.. Правда, не мат... Чтоб он кого-то отненормативил — этого не было... Даже потом, будучи замдиректора большого завода, папа не позволял себе этого...

Приемные родители папы — мои бабушка и дедушка — были уже не молоды, когда его взяли. И были они неграмотными. Но какая-то врожденная интеллигентность витала в двух добрых этих крестьянских душах. Дед Сергей Дмитриевич никогда не матерился, его сравнения были даже изысканны. Если в праздник мамочка наливала ему рюмочку, он говорил:

— Ты у нас персик! (Думаю: персиков он не видел никогда — как мы тогда не видели долларов.)

В Первую мировую он — в обозе — закупал провизию для фронта в местных селах.

Говорил браво:

— Я везде был, везде: в Осе был, в Орде был... (это Пермский край).

Бабушке Анне Денисовне я буквально обязана жизнью — именно она нашла меня в поле ржи (высотой с двух меня), когда я в три года из детсада сбежала, и колхоз сутки не работал — искал...

Уже лет в восемьдесят она захотела читать, и я ее быстро научила. У нее были волшебные способности. Вообще это была редкая душа, никогда никому ни за что не сделала она ни единого замечания! Редко-редко, если что-то очень не нравилось, она шмыгала носом. И все. Другими словами, Платон Каратаев в юбке. Звала меня: «Боговая».

— Да что ты, Боговая! Не мой посуды, я вымою. Ты еще намоешься ее — ох, намаешься!

Бабушка рассказывала, что в селе мальчишки дразнили папу в первое время, и тогда она придумала способ защитить его — говорила:

— Смотрите: он у меня казенный! Если обидите, вас в тюрьму!

И дразнить перестали.

В конце жизни папа написал воспоминания, которые сохранились. И я узнала, что в деревне ему многое нравилось — он любил дружить, учиться, пахать, обожал лошадей — летом с радостью ездил в ночное, писал стихи, учился играть на гармонии (есть такая фотография).

Но при этом он все время тосковал по родному отцу, по сестре. Рассказывал маме в со-тый раз, какое было под окнами озеро, лебеди... говорят, что все, кто из детдома, сочиняют легенды подобные... где тут правда, где вымысел...

Понятно, что я хотела быть похожей на маму, которая являлась полной противоположностью папе. Она всю себя отдавала миру, друзьям, нам. Когда бабушку парализовало, она спала с нею, отогревая своим телом. И бабушка встала! Как ни в чем ни бывало!

Папа, уходя на партсобрание, закрывал нас на ключ, потому что мама могла уйти к подругам, а те много чего про него имеют рассказать... Но к нам стучали, и мама с треском распахивала заклеенное на зиму окно и выскакивала помочь соседке, рожавшей дома, потому что «скорая» застряла на занесенной метелью дороге.

Помню, что эпидемия чтения вспыхивала внезапно — как говорится в таких случаях: ничего не предвещало. Женских романов тогда не было, читали «Воскресение» Толстого, «Анну Каренину». И мама, когда к ней попадал — по очереди — роман, не заснув, рыдала и сморкаясь под умывальником, а утром уходила на работу с красными глазами и просветленной улыбкой...

Это все было уже в поселке Сарс — куда родители сбежали от деревенского голода. В деревне нам с братом давали в день одно яйцо на двоих, а в поселке уже варили мясные супы — родители хорошо зарабатывали на лесозаготовках. Папа был бригадиром, а голос такой, что если прикрикнет — у женщин молоко присыхало сразу! (Тогда в декретах не сидели — не оплачивалось, советский режим был садистским.)

Может быть, фамилия Горланов дана ему в детдоме, потому что голос был громче других...

Кстати, у папы тоже были друзья. В поселок мы приехали к ним — Штейниковым, которые ранее сбежали из колхоза. У них была одна комната, в ней жило пятеро, туда же поселились и мы шестером. Железный мир имел уютные уголки, где гнездились счастье и дружба. В Бога верить запрещали, но дружить не запрещали...

Я после седьмого класса пыталась уехать из дома — поступала в автодорожный техникум в Свердловске. Но не поступила. Как сказала потом Наташа Иванова на презентации моего романа в «Знамени»:

— Нине не повезло — ее не приняли в техникум, пришлось стать писательницей.

Перед выпускным классом я все же не выдержала атмосферы раздражения в доме — бросила школу и уехала работать в Крым (там были знакомые — дочери тех самых Штейниковых). Но я плохо списалась, они как раз уже уехали, и я вернулась в семью, чтоб еще год доучиваться — получить аттестат и поступить в университет.

Там я прочла «Мастера и Маргариту», увидела и фотографию Булгакова! А мой отец оказался копией М. А.! Только папа никогда не улыбался, а Михаил Афанасьевич улыбался своей как бы нечаянной улыбкой. Я задумалась на миг: может, папина семья была дворянской? И их разорили? И было озеро? И лебеди! Вон какие ногти от него нам передались: длинные и узкие! Я задавала дома вопросы, но снова не отвечали на них мои родные — отводили глаза и отмалчивались.

На четвертом курсе у меня случилась большая любовь, но избранника звали — как папу — Витя. Это по определению не могло закончиться счастьем. И мы поссорились.

Я вообще боялась мужчин, они для меня были словно воздушные шары — без внешности, без пола, худо-бедно — с умом и с юмором. Я училась с Юзефовичем, Королевым, дружила с Кондаковым — ценила в них интеллект, очень ценила. А более ничего. Я дружила со многими умными мужчинами, как с девочками: с Игорем Ивакиным, редактором нашей многотиражки, с Леонидом Владимировичем Сахарным (потом — руководителем моей диссертации)... В рукодельях искусная дева, я вязала всем юношам по модному свитеру или шарфу, надеясь увидеть их понятными и родными в моих свитерах-шарфах, но никто не становился ближе и нужнее...

Будущего мужа, юношу — моложе меня на четыре года — я не воспринимала как угрозу, поэтому не заметила, как к нему привязалась и вышла замуж.

Моим подругам тогда папы-профессора построили кооперативы, а я мучилась в коммуналке. Да, мог и мой отец — получая по 425 рублей месяц — построить... но я даже не мечтала — хорошо знала, что этого не будет никогда. Потом эти накопленные им большие суммы сгорели от инфляции в 1992 году.

А ведь нельзя сказать, что папа не знал о существовании в мире родительской помощи. Однажды мне встретила его коллега:

— Все знаю: папа твой рассказывает, как много помогает твоей семье! Ты взяла приемную дочку, а он ведь сам — приемыш...

Я долго стояла в предрыданиях — сумела удержаться и промолчать.

И однажды грянула беда. Муж мне изменил, и я (выпив и не помню) ударила его за это 50-литровой бутылкой по голове. Это было в доме моих родителей. Он потерял сознание — я очнулась от причитаний жены брата:

— Нина, ты ж яго убила!

Брат держал в руках трубку:

— «Скорую» или милицию?

А папа в это время... бегал по комнате с раскрытым партбилетом, поднося его к каждому! Он лишился дара речи, но так боялся, что его исключат, что вел себя именно так...

Слава открыл глаза, и папу не исключили. Где сокровище ваше — там и сердце ваше...

Я тогда подумала: папа-папа, ты чудом спасся от жестокой судьбы — выкидыш советской власти! Она лишила тебя родителей, а ты за партбилет схватился!

— Как это случилось, что папа стал коммунистом? На каком этапе пути это произошло? — вопрошала я много раз.

Лишь потом я поняла: никакого пути нет, а есть ежесекундный выбор человека...

И тут грянула перестройка. Только тогда нам все и рассказали: семью папы раскулачили, мама его умерла сразу от разрыва сердца, и отец отдал крошку-сына крестному, чтоб не везти на погибель в ссылку, на север... Почему крестный не мог оставить его у себя? Видимо, это было очень опасно!

Я написала уже серию картин на эту тему, где всех выгнали из дома, плачет сестра Рая, гроб, в нем моя бабушка, а в небесах она уже в виде ангела касается крылом папы-мальчика, обещая ему спасение...

Когда мы приезжали к родителям в гости, наши три дочки спали в большой комнате, и папа — проходя ночью в туалет — надевал спортивный костюм. Мама говорила, что дети спят и ничего не видят, но папа считал, что нужно вести себя прилично. Вообще к внукам у него появилось нечто вроде нежности. Это радовало меня. Я думала, что приближается время, когда и мне он скажет, как старый князь Болконский, нечто в таком духе:

— Душечка!...

Но нет. Не услышала я ничего подобного.

А сказал много нежного он моему брату, который разбогател во время рыночной эпохи, когда папа уже был на пенсии. Тут вдруг у папы появились ласковые интонации, булгаковская улыбка и ласкательные суффиксы. Все это для него, для сыночка! Для любимого! Когда брат разорился (рейдерский захват), папа продолжал говорить с ним особым добрым голосом и улыбаться булгаковской улыбкой! Какие гены зажиточного крестьянина взбурлили в нем? А вот какие-то взбурлили...

Неужели деньги — та живая вода, которая очеловечила его? Он и ранее был против, чтоб я бросила диссертацию, говорил:

— Литература может прокормить только таракана...

— Но человек деньгами не исчерпывается! (я)

— Он ими даже и не начинается, — добавил Слава.

— Деньги решают все, а большие деньги решают все остальное...

— Да? Ахматова вот говорила: единственное настоящее богатство — отношение к тебе людей, все остальные богатства — ненастоящие.

Здесь хочу сделать отступление. Один мой родственник — закончив два вуза — женился на женщине без высшего образования и мучил ее вопросами: «Земля вращается вокруг Солнца или Солнце вокруг Земли?»

— Солнце вокруг Земли, — ответила она.

И он годами при нас высмеивал жену.

Тогда я посоветовала ей у мужа спрашивать: «где деньги?» Поскольку он зарабатывал немного, то сразу перестал мучить жену вопросами про вращение Солнца и Земли... Так упоминание денег однажды сыграло чудесную роль.

Между тем мне снились мужчины старше меня — все они объяснялись в любви. Поиск отца шел во сне. Другого отца — более доброго и любящего. Духовного отца. Это были: Солженицын, Ельцин, Ковалев и др.

Папа скончался от тромба — мгновенно, без мучений. Мамочка, прожившая с ним 60 лет, не могла быть одна, звонила мне каждую ночь, депрессия не проходила. Дело шло к плохому. И я помолилась:

— Папа, если ты можешь уже помогать — помоги мамочке успокоиться! Прошу тебя!

Утром звоню маме — трубку берет сватья:

— Ее увезли в травму — руку сломала.

И депрессии как не бывало. Боль в руке отвлекла от боли в душе. Узнаю папочку, подумала я. Это его такая своеобразная помощь! Сделал, что мог.

Его нет уже 8 лет, и я стала замечать, что в мире есть мужчины — в основном красивые, как они удивительно ходят — быстро, решительно! Они помогают мне донести тяжелые сумки, делают комплименты. Пишут в фейсбуке глубокие отзывы о моей прозе! И даже делают предложения руки! Но я замужем. Зато мир стал полон, и я стала счастливее.

И вот на днях по «Культуре» читали «Войну и мир». Вижу я сон: я молода, в спальне лежит с книгой очень пожилой мужчина, которого я и люблю, и боюсь, но любовь сильнее, и я под предлогом спросить о значении иностранного слова вхожу и спрашиваю — он быстро и недобрым голосом говорит перевод этого слова, я при этом испытываю огромное счастье... (это все поиски отца — я засыпала при словах из «Войны и мира», как княжна Мари любила отца и прощала ему бесконечные издевательства...).

Я проснулась и поняла, что ОЧЕНЬ, БЕЗМЕРНО люблю своего папу! И я счастлива! Лучше поздно, чем никогда...